

Екатерина Коути

Екатерина Коути

НЕВЕСТА СУББОТЫ

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К73

Серия «Старая недобрая Англия» выходит с 2014 года

Оформление – *Виктория Кирдий*

Коути, Екатерина.

К73 Невеста Субботы : [роман] / Екатерина Коути. – Москва : АСТ, 2015. – 448 с. – (Старая недобрая Англия).

ISBN 978-5-17-087719-5

1870 год. Прекрасные сёстры-креолки, Флоранс и Дезире, наследницы сахарных плантаций из южной Луизианы, отправляются в далёкий Лондон, чтобы найти себе там женихов. Девушек связывает не только кровное родство, но и страшная тайна.

Как встретит сестёр недобрая старая Англия? И спасёт ли красавицу Дезире беззаветная преданность Флоранс и её таинственный дар?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-087719-5

© Е. Коути
© ООО «Издательство АСТ»

...через весь сад зовет сестру:
– Ты по мне скучала?
Обними сначала!
Что синяки? – пустяк, родная:
Я сладким соком истекаю;
Целуй, прижмись, прими мой дар –
То фруктов гоблинских нектар,
Пей меня и мной питайся,
Мной, родная, исцеляйся;
Лишь для тебя, сестра моя,
Связалась с гоблинами я¹.

ПРОЛОГ

Лондон, 9 октября 1870 года

В груди у меня подстреленной птицей бьется страх. Жалобно клекочет, припадает на крыло. Но другого пути нет.

Крадучись, на цыпочках, выхожу из спальни и на ощупь двигаюсь по темному коридору. Только бы паркет не скрипнул под ногами! Не проснулись бы служанки! Из их комнатушек доносится мерный, слаженный храп. Горничные не слышат, как заходится криком птица-подранок, пока я пробираюсь к парадной лестнице. И моя сестра Дезире тоже ничего не слышит.

«Фло, куда меня увезут? Что со мной будут делать?»

Ледяные мраморные ступени обжигают мои босые стопы. Едва не теряю равновесие, но вовремя хватаюсь за чугунные перила. Еще чуть-чуть, и рухнула бы вниз, а наутро мое бездыханное тело нашли бы у подножия лестницы.

¹ Кристина Россетти. Базар гоблинов. Пер. Ольги Гурфовой.

Хотя это было бы к лучшему.

«Изыди, отродье сатаны! Почему ангел смерти не прибрал тебя, как первенцев египетских?!»

Всего один лестничный пролет. Третий этаж. Если кухни Олимпия или Мари столкнутся со мной, то, чего доброго, поднимут крик, ведь в белой ночной сорочке я сойду за привидение. Одинокий дух, жаждущий мести.

«Ты не такая, как они, Флёретт. Ты одна из нас».

У двери в опочивальню тети Иветт я замедляю шаг. Как же глупо все получилось! Словно в кошмарном сне, когда самые близкие люди оборачиваются чудовищами и пускаются за тобой вдогонку. Третьего дня мы пили кофе и болтали о том о сём, а вчера стали заклятыми врагами. Но из этой схватки я выйду победительницей. Я, а не она.

Я заставлю Иветт уничтожить письмо.

Заставлю ее взять назад все те слова и дать клятву вечно хранить наш секрет.

А если она откажется...

«Три желания, Флоранс Фариваль. Как в сказке. Чтобы тебе проще было запомнить».

...а если она откажется, мне придется ее убить.

И тогда, возможно, вместе с ней погибнут Олимпия и Мари, обе горничные и кухарка. Что ж, пусть так. Кто может отдавать приказания Смерти? Смерть – не мальчишка на побегушках и забирает всех, кого пожелает.

И если уж на то пошло, мне все равно, кто погибнет. Лишь бы не я. И не Дезире.

Тяну за медную ручку, чуть приоткрывая дверь...

...из тетиной спальни вырывается рой синих бабочек. Отшатаваясь, инстинктивно прикрывая глаза, силюсь захлопнуть дверь, но слишком поздно. Бабочки кружат вокруг меня, задевая крыльями лицо, размазывая пыльцу по коже, путаясь в моих волосах. Сотни ба-

бочек с острыми, как иглы, хоботками. Сотни болезненных уколов.

От боли я захожусь беззвучным воплем. Птица в последний раз бьет крыльями и сжимает лапками воздух, а потом затихает. И я затихаю вместе с ней. Падаю навзничь, погружаясь в колодезь многослойной тьмы, но у самого дна мой жених ловит меня и прижимает к груди, как испуганное дитя. Я чувствую его дыхание на своих губах. Не ледяное, а теплое. В нем смешались ароматы рома и дешевых сигар. «Добро пожаловать домой», — смеется он и целует меня, одним вдохом высасывая дыхание из моих легких.

Так я понимаю, что умерла.

ГЛАВА 1

Ливерпуль, 5 сентября 1870 года

Когда я просыпаюсь, вокруг так темно, что в первый миг мне кажется, что я еще не открыла глаза. А жалобный крик чаек – лишь продолжение моих снов, потому что сны мои всегда полны криков. Но сопение Дезире, спящей на верхней койке, возвращает меня к реальности. Ощущается качка, к которой за две недели плавания я успела притерпеться. Качка упругая, неглубокая. Вверх-вниз, вверх-вниз движется корабль, как большая колыбель. Убаюканная, я едва не соскальзываю обратно в сон, но успеваю уцепиться за границу между явью и небытием. Вздрагиваю – и просыпаюсь окончательно.

И сразу же бросаюсь к окну, босиком по колючему ковру.

Картина открывается неприглядная. Темное море неотделимо от темного же неба, как до начала творения, когда Дух Божий еще не пролетел над землей. Однако вдали мне удастся разглядеть несколько искорок. Городские огни. До Ливерпуля рукой подать.

Вдыхаю и медленно выдыхаю.

Это надо же – Старый Свет!

В наши дни маршруты противоположны. Все норовят променять старушку Европу на Соединенные – после кровавой бойни – Штаты Америки. И только мы с сестрой едем туда, откуда утекают реки эмигрантов. Подумать только, едем на поиски женихов!

Еще понятно, если бы мы держали путь во Францию. Мы с Дезире креолки, потомки французских переселенцев в Луизиану, штат, названный в честь «короля-солнце». А креолки – это истинные француженки, только кожа темнее. Мы говорим по-французски, пусть и со своеобразным акцентом, думаем по-французски и на французском же видим сны. Наша вторая родина – Франция, а вовсе не Англия, судя по карте, похожая на стоптанную тапку.

Но как раз во Францию нам нельзя.

Там сейчас почти то же самое, что было у нас лет семь назад. Война началась в июле и тянется до сих пор, хотя уже сентябрь на дворе. Бабушка предсказывает, что война продлится долгие годы, ведь пруссаки не остановятся, пока не выжгут Францию дотла. Они еще хуже янки. Хотя, казалось бы, кто может быть хуже?

Нет, нам прямая дорога в Англию, которая пусть и со скрипом, но открывает двери для французских беженцев. Так было всегда. И после Французской революции, и после потасовки 1848 года, когда из Франции бежали сторонники «короля лавочников» Луи-Филиппа.

Как раз вместе с ними, с лавочниками, и покинули Париж наша двоюродная тетушка Иветт и ее муж, мсье Ланжерон. Бедный мсье Ланжерон поставлял вино и ром для королевского двора. С новой властью он так и не нашел общий язык, потому был вынужден эмигрировать куда подальше. Впрочем, англичанам его товары пришлись по вкусу. Так что наша тетушка, ныне вдовствующая мадам Ланжерон, на жизнь не жалуется.

И ей, конечно, не составит труда найти нам достойных супругов. Она обещала помочь. Все же кровь – не вода.

Осторожно, чтобы не напугать, трогаю за плечо Дезире. Во время войны корабль янки плыл по Миссиссипи и бомбил те плантации, что находились в пределах пушечного выстрела. Как, например, наша плантация Фариваль. Когда началась бомбежка, сестра пряталась вместе с родными в подвале, ожидая, что в любую минуту их погребет под обломками. При каждом взрыве над головой скрипел дощатый потолок, с кирпичных стен сыпалась крошка.

Чудо, что никто из моих близких тогда не пострадал, да и сам Большой дом не был разрушен. Янки поугали врага и уплыли прочь. Зато Дезире натерпелась такого страха, что до сих пор вскрикивает по ночам. Поэтому будить ее следует со всей деликатностью, чтобы она не подумала спросонья, что над ней склонился враг.

Сестра моргает, еще не стряхнув сонную одурь, затем потягивается и зевает, широко и сладко, как котенок, слегка загнув язык.

– Приплыли, Фло? Уже Ливерпуль?

– Похоже на то.

Полусонная Ди сползает вниз и протискивается мимо меня к небольшому квадратному окошку. Смотрит, куда же нас занесло. Вдалеке видны мачты кораблей и портовые краны, хотя и не разглядишь ничего толком – туман.

Пока Дезире трет запотевшее стекло рукавом сорочки, я зажигаю керосиновую лампу и приступаю к утреннему туалету. Тщательно чищу зубы пастой с бетелем, подцепляя ее из плоской фарфоровой баночки. Говорят, бетель укрепляет зубы, а хорошие зубы ценятся на ярмарке невест. Кусок ветиверового мыла, купленный еще в Новом Орлеане, истончился до пластиночки с острыми краями. Жалко и тратить. Пыльно-травяной

аромат напоминает мне о доме – моя милая Нора всегда перекладывала белье пучками ветивера, чтобы не заводилась моль.

Сестра оттесняет меня от тазика для умывания, хотя долго плескаться я ей не дам – зову помочь с корсетом. Мокрыми пальцами она наспех затягивает шнуровку, после чего бежит к зеркалу красоваться.

Ей и впрямь есть на что посмотреть.

Когда мы толкаемся, желая урвать кусок узенького каютного зеркала, я в который раз замечаю, как же хороша моя сестра. И какой дурнушкой я смотрюсь на ее фоне. Но к такому положению вещей я давно привыкла. Даже считаю это высшей справедливостью, своего рода компенсацией за все те невзгоды, которые пришлось пережить Ди. К тому же мне не нравится, когда на меня смотрят слишком уж пристально. Я даже платья стараюсь такие подбирать, чтобы взгляду не за что было уцепиться. Темные, кофейных тонов или цвета корицы. Лучше я буду похожа на куколку бабочки, чем на саму бабочку. А Дезире льстит мужское внимание.

Если поставить нас рядышком, сразу станет понятно, что мы сестры и что мы обе Фариваль. Глаза у нас одинаковой миндалевидной формы, с такими густыми ресницами, что кажется, будто они растут в два ряда. Лица – изящные овалы, но в очертаниях покатых скул и особенно в пухлых губах угадывается примесь негритянских кровей. Хотя поскреби любого креола, и результат окажется точно таким же. Чистой, не разбавленной французской кровью мало кто может похвастаться.

Зато волосы у нас настоящие креольские, иссиня-черные, блестящие, мягкими волнами ниспадающие на плечи. Я предпочитаю собирать их в тяжелый узел на затылке и прятать под старомодную сетку. То ли дело Дезире. В обычное время на голове у нее творится

нечто невообразимое – свернувшиеся змеями косы, из-под них кокетливо выглядывают локоны, а лоб обрамлен маленькими завитками. Но сегодня я уговариваю сестру на прическу попроще. Кто его знает, каких взглядов придерживается Иветт. Вдруг Англия превратила ее в пуританку?

Глаза, волосы да форма лица – этим наше сходство исчерпывается. Порой мне кажется, что Господь создал меня как черновой набросок для шедевра, каким является Дезире. Посмотрел Он на дело рук Своих и увидел, что оно не так уж хорошо. Там убрать пару черточек, тут кое-что добавить, там вытянуть, тут округлить, впрыснуть красок поярче – и вот, совсем другое дело! Не стыдно людям показать.

Начать с того, что Ди миниатюрна и стройна, как статуэтка, и рядом с ней любой конторский служащий покажется цирковым силачом. А я выше ее на полголовы. Настоящая дылда, но тут уж ничего поделывать не могу. Не властна я и над своими крупными кистями рук, вздернутым носом или невнятным подбородком, который кажется еще меньше, когда я втягиваю голову в плечи.

У Ди, напротив, ручки так изящны, словно за всю жизнь она утруждала их только игрой на пианино, а не ошипыванием кур или прополкой огорода. И глаза не карие, как у меня, а мшисто-зеленые с коричневыми точками, которые при ярком свете вспыхивают золотом. Брови тоньше моих, а губы чуть полнее и ярче. Под правым уголком рта – родинка. Она похожа на крошку шоколадного торта, прилипшую к подбородку. Мужчинам так и хочется смахнуть ее пальцем.

Но самое главное – кожа. Основной тон нашей кожи – кофейный, но для меня Господь пожадничал на молоко, а Дезире, наоборот, молока перелил. Сестра уродилась светлее, и это сразу бросается в гла-

за. Дня не проходило, чтобы моя мать, мадам Селестина Фариваль, не пыталась уязвить меня этим обстоятельством.

Но мне-то что с того? Говорю же, привыкла. И тот факт, что я смахиваю скорее на горничную Ди, чем на ее сестру, ничуть не умаляет моей к ней любви.

После того как волосы собраны в пучок, а последние непослушные пряди подколоты шпильками, мы как подкошенные падаем на колени. Этим утром мы молимся так истово, что осталась бы довольна даже моя придирчивая мама. «Ora et labora»¹ – не устают повторять она, причем первое относится ко мне, а второе к Дезире. Мои уста должны без усталости твердить молитвы, руки сестры – всегда быть при деле.

Молитвенник у нас один на двоих. Перед отъездом меня благословила им бабушка. Увесистая книжица переплетена бархатом глубокого багряного оттенка. Позолоченная застежка в виде флер-де-лис громко шелкает при нажатии. На фронтисписе размашистые инициалы бабушки «А.-М. Б.-Ф.» Анна-Мария Буше-Фариваль, по-домашнему Нанетт.

Закончив молитву, переворачиваю страницу и передаю книгу Дезире. Та бойко читает псалом, запинаясь лишь на самых длинных латинских словах.

Послушав, как она тараторит, никто бы не догадался, что читать она выучилась лишь на семнадцатом году. В шестьдесят шестом, когда я вернулась из пансиона на плантацию Фариваль и обучила ее грамоте. Тогда уже было можно. То ли дело – раньше. В детстве, когда нас вместе застукали за букварем, меня ждала самая грандиозная из бабушкиных нахлобучек. А Дезире бабушка пригрозила отрубить пальцы.

¹ Молись и трудись (лат.).

Мы одновременно говорим «аминь», и я подбираю юбки, чтобы приподняться, но сестра хватает меня за кромку платья.

– А как же Они? Разве тебе не о чем попросить Их? – недоумевает Ди.

– Это не их земля.

– Ну и что?

– Ди, даже не начинай, – устало отвечаю я, но упрямыца наматывает край моего платья на кулак. Дергаю на себя – трещит. Попалась.

– Нельзя переехать в другой дом и выбросить визитные карточки всех друзей, – наставляет меня Дезире. – Воззови к Ним, чего тебе стоит? Испроси поддержки для нашей затеи. Благословение лишним не бывает.

Мне всегда проще согласиться, чем спорить, пусть даже у меня в оппонентах младшая сестра. Но только не в этом вопросе.

– Нет, – отвечаю твердо. – Да и вообще, где ты предполагаешь устроить алтарь? Свечей у нас тоже нет, кстати. И спичек.

– У стюарда попроси.

– Под каким предлогом?

– Скажи... скажи, что на плантации мы привыкли читать при свечах!

– И эта милая привычка вспомнилась нам только через две недели? Ну уж нет. Кроме того, нельзя же попросить просто так. Потребуется жертвоприношение. А если стюард увидит брызги рома или того хуже – крови, он решит, что у нас мозги набекрень, – сержусь я, потому что этот стюард мне весьма симпатичен. Он приносил мне лимоны, когда меня скрутило от морской болезни и почти неделю вместо бескрайних просторов я созерцала днище ведра.

– Значит, не будешь Их просить? Жалко тебе, что ли? – морщится Ди, и родинка на подбородке подпры-

гивает. – А вдруг все пойдет наперекосяк? Вдруг тетя Иветт спросит, почему бабушка никогда ей про меня не писала?

– Что ты! Если уж на то пошло, бабушка не писала ей все двадцать пять лет, с тех самых пор, как тетя Иветт вышла замуж за того негоцианта и уехала с ним в Бордо. Мое существование стало для нее таким же сюрпризом, как и твое. Удивительно, как бабушка вообще разыскала ее адрес.

– А еще удивительнее, что Иветт согласилась нам помочь, – хмыкает Дезире.

– Как раз тут нет ничего странного! Мы бы тоже подыскали партии для ее дочерей. Если б, конечно, имели такую возможность.

– И если бы все женихи не погибли на войне, – вздыхает сестра.

– Да, и это тоже.

Наши мальчишки – веселые и беззаботные, сверкавшие черными очами на балах и саблями на дуэлях, – все они полегли вдоль берегов Красной Реки, а тех, кто выжил, ждали заброшенные, кишевшие мародерами плантации.

Некоторым, конечно, повезло больше. Как Жерару и Гийому Мерсье, нашим соседям из «Малого Тюильри». В отличие от младшего Гастона, павшего в битве при Батон-Руже, они вернулись домой живыми и невредимыми. А поскольку благополучие в их семье ценилось выше чести, они стали одними из первых, кто принес клятву верности северянам. Мистеру Линкольну тоже хотелось подслащивать кофе сахаром, причем считать сахар ложками, а не по крупицам, поэтому бывшим плантаторам оставили земли. Лишь бы и дальше снабжали Север столь необходимым сладким продуктом. И Мерсье вновь начали выращивать тростник, тем более что на плантации оставались освобожденные негры. Податься тем все равно было некуда.